

А. К. ЮГОВ

Образ князя-волшебника и некоторые спорные места в „Слове о полку Игореве“

„Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдаше“, — сказано в „Слове о полку Игореве“ о князе Всеславе Полоцком. В толковании выделенного мною слова „друзѣ“ уже от самого обнародования памятника обозначались разногласия среди исследователей и переводчиков. Не буду загромождать вопрос перечислением всех оттенков этого разногласия. Основное — в том, что одни принимают это слово так, как стоит оно и в Мусин-Пушкинском издании и в Екатерининском списке, т. е. „друзѣ“, и переводят речение „въ друзѣ“ как „в другом, в ином“. Другие же, не видя убедительного осмысления в таком переводе, считают необходимым исправление текста: вместо „въ друзѣ тѣлѣ“ они читают „въ дрѣзѣ тѣлѣ“ („в дерзе теле“) и переводят как „в дерзновенном, в дерзком, в отважном теле“.

Это последнее толкование, начиная, если не ошибаюсь, с Киевского съезда, все больше и больше брало верх, а в наши дни стало общепринятым, „школьным“, так сказать. „В друзе“ всегда исправляют на „в дерзе“. В частности, твердо держится этого Д. С. Лихачев.

Мне же всегда казалось, что современные исследователи несправедливо прошли мимо и предали забвению взгляды на этот предмет и очень веские доводы в пользу „в друзе“, которые неоднократно и с глубоким убеждением высказывал Ф. И. Буслаев.

Как ведомо, Ф. И. Буслаев исходил из того, что Всеслав Полоцкий — волшебник, оборотень, перевоплощавшийся в разные тела. Таким этого князя изображает и летопись и „Слово“. У Буслаева мы находим в целом ряде его трудов обоснованные и всем нам привычные сближения образа Всеслава и с Китоврасом и с Волком Всеславичем. „Другое тело, по-моему, — пишет Буслаев, — означает не другого или какого-нибудь человека вообще, а именно другое тело, не свое собственное, а волчье, которое надевал на себя герой, перерыскивая путь великому Хорсу“.¹

Это суждение повторено, с привлечением цитаты из летописи, и в комментариях Ф. И. Буслаева к „Слову“ в хрестоматии для средних учебных заведений: „Перечень мифических превращений наши предки находили в книгах, известных под именем чаровников, напр. «еще есть сие: летают орлом, ястребом, вороном, дятлом, совою; рыщут рысию, лютым зверем, зверем диким, волком; летают змием». Сравни

¹ Ф. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1. СПб., 1861, стр. 391.

в былине о Волхе Всеславиче, как он учился премудростям: «А и первой мудрости учился»... «обертываться ясным соколом»; ко другой-то мудрости учился он Волх «обертываться серым волком» и пр. — Сама летопись дала повод к баснословному преданию о Всеславе, «его же роди мати от волхвованія...». Поэтому у Всеслава была душа вещая и переходила она в чужое тело (в дружестеле: прилагательное в краткой форме вм. в другом теле...)»¹

Автору „Исторической грамматики русского языка“ хорошо известны были доводы противников его толкования, однако эти доводы ничуть не убедили его. Высказав без колебаний свою аргументацию в пользу „в дружестеле“, он лишь мимоходом, исключительно в целях осведомления учащихся, сообщает, что есть и другой взгляд: „Вместо въ друзѣ тѣлѣ иныи читаютъ въ дрязѣ тѣлѣ, т. е. в дерзком или дерзновенном теле“.²

Кто же прав? На чьей стороне истина? И можно ли в конце концов договориться на едином для всех толковании этого спорного места? Мне думается, что можно, но при одном непрременном условии: рассматривать его не обособленно, а в свете всего того, что сказано в „Слове“ о Всеславе Полоцком. Надо исходить из самого существа этого образа. А в чем же оно состоит? Во-первых, в том, что этот Всеслав — волшебник, колдун, оборотень, перевоплощавшийся в иные тела и передвигавшийся с невероятной быстротой; во-вторых, это князь, захвативший на краткое время киевский престол. Волшебник и узурпатор! Две стороны даны автором „Слова“ в этом образе: мифологическая и историческая.

Отнюдь не одно речение „в дружестеле“, („в дерзестеле“) по-разному переводится из текстов, относящихся к Всеславу, но и „кляками подпрѣся о кони и скочи“, и „ни хытру, ни горазду“, и „обѣсися синѣ мьглѣ“, и „вѣща душа“. Разногласия велики. Одни указывают на одно значение древнерусского слова, другие — на другое. У каждого находится та или иная опора в словаре. А между тем, как мне кажется, этих неплодотворных споров можно было бы избежать, если бы любое из этих мест мы осмыслили не обособленно, а в свете единого образа — князя-волшебника. „Комплекс Всеслава“ (да будет разрешено мне сие необычное выражение) должен во всех этих спорах окончательно решить, какое значение древнерусского слова надлежит нам принять и в том, и в другом, и в третьем случае.

Памятуя об этом, приступим к разбору названных мест в произвольном порядке.

* * *

Вряд ли можно сомневаться, что в древнерусском языке и во времена „Слова о полку Игоре“ слову „хытрый, хитрый“ присуще было, среди прочих, и то значение, которое близко стоит к современному, особенно в живом языке древней Руси. Так что трудно оспорить только на основе одних лексико-семантических соображений право некоторых переводчиков „Слова“ придавать слову „хытр“ обычное житейское значение — „хитрый, лукавый“. И. И. Срезневский к слову „хытрый“ дает множество значений, подкрепляя их соответственными текстами.³ В его

¹ Ф. Буслев. Русская хрестоматия. Изд. 12-е, М., 1912, стр. 99—100.

² Там же, стр. 100.

³ И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I. СПб., 1893.

„Материалах“ указываются: искусный, искусно сделанный, творческий, художник (как существительное), знающий, сведущий, ученый, мудрый, разумный, замысловатый, благопристойный. Не забыто и значение обычное, житейское — „хитрый“, „ловкий“. Только вот что странно и вызывает несогласие: как раз это простое, житейское значение слова „хитрый“ доказывается лишь одним единственным текстом и, как на беду, относящимся именно к Всеславу, о котором и летопись и „Слово о полку Игореве“ держатся общего мнения, что это, дескать, человек отнюдь не простой, не обычный, а волшебник, колдун. Несколько удивляет, что И. И. Срезневский упустил указать, что слово „хитрый“, равно как „хитрь“ и „хитрец“, имеет доказанное, несомнительное значение — „колдун“, „волшебник“, „ведун“, — и при этом не только в древнерусском языке, но и вплоть до наших дней — в изустном народном творчестве, в сказках. В особенности такое значение, по видимому, присуще, когда слово сие выступает в форме субстантивированного прилагательного „хитр“, т. е. как в „Слове“ и в некоторых сказках о колдунах и ведьмах.

В древнерусском тексте „Александрии“ египетский царь-волшебник Нектенав добывает престол не битвами и сражениями, а „волховной хитростью“. Непопулярная царица Олимпиада просит его, чтобы он „разрешил чрево“ ей „хитростью“ своею, т. е. несомненно чародейством, волшебством, что явствует из всего смысла сказания.

Слишком очевидно сходство между способами, которыми добыли себе престол египетский „хитрец“ царь Нектенав и русский „хитр“ Всеслав Полоцкий, чтобы пренебречь таким сближением! „Сий Нектенав, Египетским странам царь, волховною хитростью и звездочетием царь беще... К бою и рати нейдеше... но на помощь себе имаше волховную хитрость...“ — сказано о царе Нектенаве. Князь же Всеслав, согласно „припевке“ Баяна, есть „хитр“. А добыл он киевский престол не как-либо, а „клюками“: „клюками подпрься“.

Ныне слово „клюка, клюки“ уже никто, кажется, не решается переводить, как переводили в старину — наивно и прямолинейно: клюка — закомлястая изогнутая палка, клюшка и т. д. Нет надобности напоминать здесь о всех заведомых несуразностях, которые происходили в прошлом из такого прямолинейного перевода слова „клюками“. Однако поучительно будет вспомнить два-три образчика.

Огоновский утверждал, что под „клюками“ следует разуметь здесь „ноги загнутые, кривые“; Кораблев — что Всеслав „поднялся на хитрость в конях“; Мей — „опираясь ходулями, из окна скакнул он к Киеву“; Гербель — „и не клюкой подпираясь, а сев на коня боевого“; Майков — „перегнулся на седле, помчался“; Пожарскому же казалось, что „клюками подперся о кони“ — это значит „самострельными машинами укрепился на лошадях“, и т. д. и т. д.

Это явное нежелание переводчиков полюбопытствовать, в каком значении находим мы слово „клюка“ в древнерусских памятниках, вызвало законное негодование Головина: „К досаде всех переводчиков, — писал он, — Всеслав не употреблял ни самострельных снарядов, ни клюк, ни костылей, чтобы овладеть престолом киевским, а овладел им своими хитростями“.¹

В наши дни окончательно принят перевод слова „клюками“ как „хитростями, через хитрости“.

¹ Цит. по кн.: Е. В. Барсов. „Слово о полку Игореве“ как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, стр. 368.

В самом деле, такие речения, как „переклюкала мя еси Ольга“, „клюки в нем (в князе, — А. Ю.) не бе“, „клюкавый“, и целый ряд подобных речений не оставляют нам никакой возможности понимать слово „клюками“ в материально-вещественном смысле. Это, конечно, „хитрости“, но какие? — вот вопрос! В свете „комплекса Всеслава“ есть все основания думать, что здесь не простые хитрости в житейском, в бытовом или даже в военном смысле, но хитрости волшебные, „волховные хитрости“, — такие же, какими добыл себе престол египетский „хитрец“ царь Нектенав. Кстати, в Хронографе XVI века есть выражение „чаровные клюки“: „Великий святой царь Костянтин бояшся Максентиевых губительных клюк... чя ровными клюками одолети“.¹ Существенно, что и здесь идет речь о борьбе за престол, и „клюки“ здесь не какие-либо иные, а „волшебные“, „колдовские“, „чаровные“.

Сильным подтверждением этому является и тот факт, что слово „хитр“, примененное в „Слове“ к Всеславу Полодскому, в русском языке вплоть до наших времен имеет значение „колдун“, „волшебник“. Особенно важно, что это прилагательное-существительное именно в сказках о колдунах и колдуньях означает человека, наделенного чародейной силой. Оно существует даже и в женском роде — „хитра“. Так, в сказке „Царевна-лягушка“ (собрание А. Н. Афанасьева) жены старших братьев говорят о жене Ивана, которая была чародейкой и обладала способностью перевоплощаться в другое тело: „Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича: она не лягушка, а кака-нибудь хитра“. К этому слову „хитра“ А. Н. Афанасьевым сделана такая сноска: „т. е. чародейка“.² Такое значение слова „хитра“ не одиночно, не случайно, а, напротив, очень устойчиво. Примеры из других сказок: „Мальчик диву дался: «Вишь какая хитрая! прямо колдунья!»“.³ „Ну, служивой! я много знаю об дочери моей, и говорить нечего — больно хитра была; а ты, верно, и больше нашего знаешь“.⁴

Здесь попутно стоит напомнить, что в народном языке и слова „знать“, „знает“, применяемые без дополнения, означали не простое знание, а именно ведовство, колдовство.

Еще пример из сказки о колдуне, откуда явствует, что слово „хитрец“ в подобном контексте означало „колдун“: „Весь народ из деревни повыгнал, а такого хитреца, чтобы с ним сладил, еще не бывало“.⁵

И наконец, в былине о чародейке-Марине, которая обладала силою перевоплощать людей в „другое тело“, сказано, что она была „хитрой“:

А и нет меня хитрея, мудрея,
А и я-де обернула девять молодцов,
Сильных могучих богатырей,
Гнедыми турами.

Как видим, и слово „мудрая“ в языке сказок и легенд приобретает тот же оттенок смысла.

Итак, держа в памяти образ колдуна-оборотня, каким представлен Всеслав и в летописи и в „Слове“, мы рассмотрели речения: „в друзе теле“, „ни хитру“ и „клюками подпреся“. Теперь, кажется мне, не

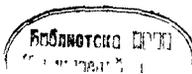
¹ И. И. Срезневский, ук. соч., слово „Клюка“.

² А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. IV. М., 1912, стр. 33.

³ Там же, т. V, стр. 37.

⁴ Там же, стр. 43.

⁵ Там же, стр. 23.

остается сомнений, что и „веща душа“ мы должны переводить как „колдовская душа“.

В самом деле, хотя в „Материалах“ И. И. Срезневского и указаны при слове „вещий“ значения „сведущий“, „мудрый“, „peritus“, однако тут же пояснено: „знающий то, что другим не дано знать, волшебник“. И. И. Срезневский приводит здесь общеизвестный текст из „Повести временных лет“: „Прозваша Олега вещей, бяху бо людие погани и невеголоси“. Уже из одного того, что летописец приписывает прозвание Олега „вещий“ язычеству и невежеству, с несомненностью вытекает, что „вещий“ означает здесь „волхв“, „чародей“, „колдун“. Далее в „Материалах“ приводится немало прямых доказательств этого. Так: „В ѣ щ а я женка=колдунья, — «того же лета псковичи сожгоша 12 жонке вещей». Псковск П л., 6919 г. — В о л ш е б н ы й... «Хоробрый Пересвет поскакивает на своем вѣщем сивце». Сл. о Задон.“.

Далее значит: „В ѣ щ и ц а — колдунья, тага: «Вещица, аще покается (епитимии) лет ѿ, поклон ф̆». Дуб. Сб. XVI в.“.

К этому можно добавить замечание Афанасьева: „Словенцы и кошубы называют упырей вещими“.¹

По-сербски колдун — „в е ш т а ц“, колдунья — „в е ш т и ц а“.

* * *

Теперь нам остается, держа критерием все тот же образ колдуна-князя, коснуться спора вокруг того, как надлежит переводить „обѣсися синѣ мъглѣ“. Я перевожу: „повиснул на синем облаке“ или — что то же — „обнял синее облако“. Н. К. Гудзий не отвергает такого прочтения, несмотря на свои резкие замечания в отношении многих мест моего перевода. Напротив, Д. С. Лихачев до сих пор настаивает на другом прочтении, близком к традиционному: „«Синя мгла» — это мгла ночи. «Обеситься» по-древнерусски означает «повиснуть» или «быть обнятым» (в данном месте „Слова“, конечно, последнее значение)“, — пишет Д. С. Лихачев в комментарии своем к изданию „Слова“ в малой серии „Библиотеки поэта“.²

Перевод, на котором мне приходится настаивать, исходит из ниже следующих соображений семантико-лексического и грамматического порядка. „Мъгла=мгла“ здесь употреблено не в смысле мглы=„тумана“, а в значении „облака“. В „Слове“ встречается двойное применение „мглы“. В одном случае это несомненно туман — „мъгла поля покрыла“, в другом же, где речь идет о бегстве Игоря и сказано „полетѣ соколомъ подъ мъглами“, — столь же несомненно значение „под облаками“. Это столь бесспорно, что, кажется, никто от Мушина-Пушкина вплоть до нашего времени иначе и не переводил. У Д. С. Лихачева — также: „полетел соколом под облаками“. Смее утверждать, что и в „обѣсися синѣ мъглѣ“ следует принять именно это значение „мглы“. Для выбора нашего здесь, во-первых, имеет огромное значение следующая лексикографическая справка под словом „мъгла“, приводимая И. И. Срезневским: „Слово м г л а, м ъ г л а, м ѣ г л а не у одних чехославян, особенно в горах, получило очень определенное значение — облака или облаков, сохраняя вместе с тем и значение тумана вообще и соединенной с ним тьмы“.³ Юго-западным славянам слово это так же знакомо, как и се-

¹ А. Н. Афанасьев. Нарские русские сказки, т. V, стр. 206.

² Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, Малая серия, Изд. 3-е, Л., 1953, стр. 269.

³ И. И. Срезневский, ук. соч., слово „Мгла“.

веро-западным и русским. Вот между прочим примеры из болгарских народных песен: „Пустите мои две тѣги, я да станете две мѣгли че се високо двините“. Здесь „две мгли“ ясно указывает на значение „два облака“.

Перейдем к грамматическим доказательствам. Сказано, что Всеслав „обѣсися синѣ мѣглѣ“. Подлежащее здесь Всеслав. Что сделал он? Он, как сказано, „обесился“, т. е. буквально „повесил себя“. Где? на чем? На это как раз и отвечает местный падеж, в котором поставлено существительное женского рода — „мгла“: „синѣ мѣглѣ“. Решению нашему помогут другие примеры, где трудно, мне кажется, не признать по существу аналогичной конструкции, хотя, ввиду того, что речь идет на сей раз о предмете одушевленном, о лице, приходится говорить, что существительное женского рода, связанное как дополнение с глаголом „обѣсися“, на сей раз стоит в дательном лица — „Фекле“; „Труфена обѣсьшися Фекле“ — текст, приводимый Срезневским к слову „обеситися“, означает „Труфена обняла Феклу“, а не „обнятая Феклой“. И другой пример: „Александр обесися ей на распутии“ — точно так же означает, что Александр обнял, а не его обняли; буквально говоря — „Александр повиснул на ее шее“.

Мне кажется, что лексически и грамматически фразу „(Всеслав) обѣсися синѣ мѣглѣ“ можно переводить только так: „обнял синее облако“ или „повиснул на синем облаке“.

Но мало этого! Здесь на поддержку именно такого прочтения выступает и единый смысл образа Всеслава-колдуна, Всеслава-волшебника.

Вряд ли кто станет оспаривать, что быстрота передвижений Всеслава достаточно ярко означена в „Слове о полку Игореве“. Быстротой своего исчезновения в канун битвы он поразил современников. Вот ночью он еще в Белгороде (близ Киева), а на утро он уже „отвори врата Новуграду“, а дальше он уже и на Немиге, куда скакнул не иначе как-либо, а „волком“ (оборотничество, мифологический элемент образа!). Да и далее этот момент сказочной быстроты Всеслава особо подчеркивается: он до петухов успевал „дорискати“ до Тмуноракани.

Вот почему и надо принять, что колдун Всеслав совершил свой перелет от Киева до Новгорода на „мѣгле“, т. е. на облаке, на этом излюбленном, так сказать, „ковре-самолете“ древнерусских волшебников, да и не только волшебников, а и всех существ, обладающих „сверхъестественными“ силами.

Здесь нельзя не сопоставить с полетом на облаке князя Всеслава такой же самый полет Исаии Ростовского. Памятник этот относят к XII веку, т. е. к веку „Слова о полку Игореве“. И с этим обстоятельством нельзя не посчитаться!

В житии Исаии Ростовского рассказано, как киевский митрополит Иоанн должен был безотлагательно святить церковь в Печерском монастыре — „заутра в 14 день августа“. А никого из иногородних епископов не было с ним, чтобы участвовать с ним в этом освящении. Киевский митрополит скорбел об этом. Тогда к епископу Исаие, жившему в Ростове, „внезапу уноша страшен предста во одежде светлей и глагола ему: «заутра в 14 день августа свящается церкви монастыря Печерского, и митрополит вас ради в велицей печали, и да будещи тамо с ним на освещении»“.¹ Получив такое грозное приказание, Исаия

¹ Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии, Казань, 1858, март, стр. 439—441.

вместе со своими спутниками на облаке был перенесен в Киев, а по освящении церкви, опять-таки на облаке, обратно в Ростов.

Любопытно сопоставить рассказ об этом полете на облаке с полетом Всеслава на „синей мьглѣ“. Есть даже и словесное совпадение, а именно: в сказании, как и в „Слове“, указано, что ночью человек, о котором идет речь, находится еще далеко от места, в которое он должен прибыть, а на утро он уже там, перенесенный со сверхъестественной быстротой. Иными словами, в житии Исаии Ростовского, так же как и в „Слове“, намеренно подчеркивается эта быстрота перемещения, ее чудесная природа. „Ноши же приспевши“, сказано в житии Исаии, святой был еще в Ростове и поучал людей, „еже с ним“ от „божественного писания“, а „заутра вси со блаженным под Киевом обретаются“.¹

В „Слове о полку Игореве“ князь-волшебник „въ плъночи изъ Бълаграда обѣсися синѣ мьглѣ, утрѣ же... отвори врата Новуграду...“.

Житие Исаии Ростовского объясняет его полет на облаке ссылкой на то, что подвиг его был равноапостольный, что и спешить-то он должен был на освящение не какой-либо иной церкви, а Успения, а потому, дескать, и ему даны были те же чудесные средства к скорому прибытию в Киев, какие некогда были даны апостолам для прибытия в Иерусалим, т. е. облако.

Известно, что полет двенадцати апостолов на облаке изображен не только в древнерусских апокрифах, но даже нашел свое изображение и на древней иконе „Успение Богоматери“. Икона эта из Десятинного монастыря в Новгороде, ныне хранится в Государственной Третьяковской галерее. Каждый из апостолов изображен на ней на своем облаке.

* * *

Итак, в свете „комплекса Всеслава“ мы видим возможность единого осмысления всех спорных мест, относящихся к этому герою древнерусской истории и древнерусской мифологии.

Подведем итоги. О Всеславе сказано в „Слове“, что он „хытр“, т. е. волшебник, колдун; что у него „вещая“, т. е. колдовская, душа; что он добыл себе престол „кляуками“, само собою — „чаровными кляуками“, раз он „хытр“ и „вещий“, т. е. чародей. И наконец, он за одну ночь перенесся из-под Киева к Новгороду, „обѣсися синѣ мьглѣ“, что в свете всего цельного образа князя-волшебника и исходя из лексики и грамматики было бы натяжкой переводить иначе, как „повиснул на синем облаке“.

В заключение скажем еще о некоторых разногласиях в толковании и переводе некоторых мест, относящихся к Всеславу.

Речь идет о том, как следует переводить „с кочи къ граду Киеву“ и „окони“.

Мне кажется, что здесь глагол „сочити“ применен опять-таки не в прямом, буквальном смысле, а в политическом, как и применяла его древняя Русь в тех случаях, когда рассказывалось о захвате престола, об узурпации: „самовольно занять, захватить (о престоле): — Бѣ бо преже того пискуп Асаф Вугровьскый, иже с кочи на стол митрофоличь и за то свержен бысть стола своего...“.²

¹ Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии, Казань, 1858, март, стр. 442.

² И. И. Срезневский, ук. соч., слово „Сочити, скочу...“.

В другом древнерусском памятнике говорится, что не подобает епископу „скакати“ на свой престол за мзду. Не на коне же скакал епископ! Приходится допустить, что в подобных ситуациях глагол „скакати“ был термином. И поскольку Всеслав тоже захватил престол, то не лучше ли и здесь „скачи“ понимать так же, как это „скачи“ применено к епископу Асафу в Галицко-Волинской летописи?

А тогда, как я и убежден, в „Слове“ нет и никакого „коня“, „коней“ или „хитростей, связанных с конями“. Во всяком случае, глагол „оконитися“ в смысле „сделать себя конным“ как будто в древнерусских памятниках не обнаружен. Зато существует в русском языке — и конечно, издревле, ибо и до сих пор уцелел в новгородской живой речи — глагол „оконить, оконити“. „Толковый словарь живого великорусского языка“ В. И. Даля свидетельствует: „Оконить что, нвг. докончить, узаконить, уконить. Оконил в избе своей мир, покой“.

Тогда „окони“ есть аорист от глагола „оконити“, третье лицо, единственное число. Всеслав „оконил“—таки дело, к которому он стремился, т. е. „в конце концов“ (корень тот же!) достиг престола киевского. Давно уже высказанная мною точка зрения. Но в последние годы моей работы над „Словом“ сильным соперником глаголу „оконити“ в названном значении является для меня глагол „конить“, бытующий в живом народном языке и относящийся до метания жребия. А это очень важно, ибо ведь Всеслав „верже жребий“. „Конаться, — читаем мы в „Толковом словаре“, — метать жребий... Конить кого... перекидывать, бросать далее...“. Речение „всех оконить“=„всех переконать“ означает „бросить счастливый жребий“, „выиграть“.

Но как бы там ни было, возможность выбора между „оконить“ в значении „достигнуть чего-либо в конце концов“ и между „конить, оконить“ в значении „бросить счастливый жребий“, „выиграть“ не играет решающей роли. И то и другое толкование хорошо связывается с образом князя-волшебника, завладевшего престолом.

Колдовская была душа. И не в одном теле обитала...

Князь-колдун, летящий на облаке, — вот в чем видится мне истинное осмысление всех мест в „Слове“, относящихся к Всеславу Полоцкому.